А.Г. Васильев

«ГАБСБУРГСКИЕ РАМКИ» ПОЛЬСКОЙ ПАМЯТИ В АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА[1]

Автор анализирует динамику польской национальной памяти в контексте Австро-Венгерской империи второй половины XIX – начала XX в., опираясь концепт «рамок памяти» Мориса Хальбвакса. Основной тезис заключается в том, что польская национальная память формировалась в диалоге традиционной рамки памяти исторической Речи Посполитой и габсбургской рамки памяти Австро-Венгерской монархии. Показано, что в этот период польская история была интерпретирована многими авторами заново, с целью поиска общих, польско-габсбургских, «мест памяти».

Ключевые слова: *культурная (коллективная) память, «рамки памяти», историография, политика памяти, Габсбурги, Австро-Венгерская империя, разделы Польши, федерализм, Оскар Халецкий, Люблинская уния*

Большинство работ, посвященных изучению динамики польской коллективной памяти периода разделов, сосредоточено преимущественно на активности польских интеллектуалов и их взаимодействии с более или менее неблагоприятной для их деятельности средой, создаваемой политикой государств-участников разделов на захваченных территориях бывшей Речи Посполитой. «…Интеллектуалам и элитам, – писал об этом времени Э. Смит, – необходимо было рассказать польские воспоминания, символы, мифы… тем самым пробудив и усилив народные этнорелигиозные чувства миллионов поляков и таким образом реконструировав, и по-новому истолковав польское культурное наследие применительно к современным условиям»[2]. При этом по умолчанию предполагается, что историческая Речь Посполитая двух народов Польши и Литвы выступает “трансцедентальной” рамкой их проектов национальной памяти, задающей ракурс рассмотрения современных вопросов. Между тем, следует учитывать и то, что ко времени, когда в ходе Первой мировой войны вопрос государственной независимости Польши вновь вошел в повестку дня мировой политики, польское историческое сознание, проекты национальной памяти и идентичности уже более века формировались и существовали в рамках Российской империи, Пруссии (Германской империи) и Габсбургской монархии (Австро-Венгерской империи). Для осмысления возникавших при этом эффектов следует

[1] Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 19-01-027, «Польская историография эпохи разделов: культурная память и формирование национальной идентичности») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019-2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Автор выражает признательность профессору Педагогического университета им. Комиссии национального образования в Кракове Мариушу Волосу, беседы с которым способствовали выработке теоретического ракурса исследования.

[2] Смит 2004: 244.

обратиться к концепции «рамок памяти» Мориса Хальбвакса с тем, чтобы рассмотреть процессы взаимодействия памяти давней Речи Посполитой и государств, в состав которых вошли ее земли.

В качестве источников исследования нами были привлечены несколько мало известных и не введенных до сих пор в научный оборот текстов историко-публицистического характера польских интеллектуалов «второго ряда», а также некоторые ранние работы Оскара Халецкого, редко привлекающие внимание исследователей творчества этого известного историка. Использование источников такого рода позволяет понять процессы, происходящие в коллективной памяти, гораздо лучше, чем в случае привлечения классических текстов выдающихся авторов.

Рамки памяти» и «мнемонические означающие»

Классическая для memory studies концепция М. Хальбвакса говорит не только о том, что рамки памяти «служат орудием, которым пользуется коллективная память для воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества»[3], но также и о том, что рамки эти многообразны и между ними имеют место отношения взаимовлияния. Кроме того, и сами рамки не являются статичными, они меняются, «в зависимости от времени и обстоятельств общество по-разному представляет себе прошлое; оно видоизменяет свои конвенции»[4]. На эти изменения влияет сам ход истории, накопление исторического опыта: «Каждый раз, когда мы помещаем одно из своих впечатлений в рамки своих нынешних понятий, эти рамки трансформируют впечатление, но и впечатление, в свою очередь, изменяет рамку. […] Отсюда – постоянная работа ре-адаптации, заставляющая нас в связи с каждым событием пересматривать всю совокупность понятий, выработанных в связи с прежними событиями»[5].

Опыт пребывания в составе государств-участников разделов, каждое из которых реализовывало свою политику памяти и идентичности, создавал определенную рамку восприятия польского прошлого. Причем рамка эта на протяжении более чем векового периода разделов находилась в постоянной динамике и взаимодействии с памятью исторической Речи Посполитой. Эти соображения позволяют несколько иначе посмотреть и на интеллектуальную историю периода предшествовавшего восстановлению Польского государства в 1918 г. Очевидно, что как политически активные интеллектуалы (например, О. Халецкий), консультировавшие политиков и старавшиеся оказывать влияние на общественное мнение, так и политики, которые опирались на мнения своих научных консультантов и сами имели определенные философские, исторические и историософские представления (например, Ю. Пилсудский и Р. Дмовский) были сформированы в социальных и мнемонических «рамках» империй, участвовавших в разделах Речи Посполитой. Опыт, получен-

[3] Хальбвакс 2007: 30.
[4] Там же: 325.
[5] Там же: 174.

ный ими в ходе социализации (в т.ч. мемориальной) в контексте российской, немецкой или габсбургской социально-политических и культурных традиций должен был сформировать для них определенную перспективу видения польского прошлого и польской идентичности.

Именно в этом смысле речь в статье идет о «габсбургских рамках» того видения прошлого Польши. Память исчезнувшего с политической карты Европы в 1795 г. государства, говоря словами Хальбвакса, это – «старинные представления», которые «являются нам со всей властной силой, полученной ими от былых обществ, где они приняли коллективную форму. Чем они старше, тем шире были разделявшие их группы, тем они сильнее». Однако текущие исторические события, опыт жизни в новых государствах, идеи и образы политической культуры империй, в составе которых оказались польские земли, не могли не повлиять на эту память. «Сегодняшние идеи, – отмечал Хальбвакс, – потому способны сопротивляться воспоминаниям, бороться с ними и трансформировать их, что они соответствуют пусть не столь же старинному, зато более широкому коллективному опыту, потому что они разделяются не только членами данной группы (как и традиции), но и членами других современных групп. […] К тому же современные идеи новы лишь для членов той группы, куда они проникают извне. Всюду же, где они не сталкивались с такими традициями, как в этой группе, они могли свободно развиваться и сами принимать форму традиций. Группа противопоставляет своему прошлому не свое настоящее, а чужое прошлое […] прошлое других групп, с которыми она стремится отождествиться»[6]. Представляется, что эти положения основоположника memory studies достаточно точно описывают взаимодействие исторического сознания польского общества в государствах-участниках разделов с формами политики памяти в этих государствах. Для адекватного понимания процессов, происходивших в польской исторической памяти и национальной идентичности периода разделов следует учитывать динамику «рамок» польской памяти, взаимодействие общей «рамки», связанной с традицией Польского королевства и Речи Посполитой двух народов, окончательно уничтоженной в конце XVIII в. и ставшей историческим «образом-воспоминанием», и подвижных рамок, связанных с пребыванием польского населения, и прежде всего польских интеллектуалов-творцов национальной идеи, в составе империй, захвативших польские земли.

Пользуясь терминологией, предложенной в одной из работ о перспективах развития memory studies[7], историческую Польшу (в т.ч. и Речь Посполитую) можно назвать «мнемоническим означающим», объективированным в качестве социальных фактов актами воспоминания (remembering). Причем это означающее содержит в себе не просто значимый «общий смысл», а целый набор часто противоречивых и даже конфликтующих между собой смыслов: «различные интерпретации, отда-

[6] Там же: 338.
[7] Feindt 2014, Issue 1: 24-44.

ленные во времени и в пространстве, одного и того же мнемонического означающего, приписывает ему меняющиеся значения. В силу этого мнемонические означающие формируют пересечения различных *мнемонических означаемых*»[8]. Нас интересует, какими именно означаемыми наполнялось мнемоническое означающее «Польша» в польской памяти в пределах Австро-Венгерской империи накануне ее падения и восстановления Польского государства. Мы рассмотрим «польскую коммеморацию» в «габсбургской рамке», созданной для польской памяти в той части бывшей Речи Посполитой, которая вошла в результате разделов в состав Габсбургской (впоследствии – Австро-Венгерской) империи. Эта рамка соединяла «польскую память» с габсбургской исторической традицией, что порождало возникновение новых смыслов и означаемых в рамках прежнего «мнемонического означающего». Австро-венгерский контекст в последний период существования империи создавал условия для нового обращения к династической истории Польши, событиям общей военно-политической истории, к «ягеллонской» идее, памяти о Польско-Литовской Унии и т.д., давая возможность проавстрийски ориентированным польским интеллектуалам осознавать габсбургскую монархию как продолжательницу исторической программы Речи Посполитой, особенно при условии превращения ее из дуалистической в более широкий вариант федерации (идея австро-венгерско-польского триализма), в котором Польша заняла бы подобающее место.

Основным носителем культурной памяти в этой ситуации становилась польская историография и связанная с ней политическая публицистика, широко использовавшая историческую аргументацию. На протяжении всего периода разделов польская интеллектуальная элита занималась формированием нарративов национальной памяти и идентичности в литературной, художественной и научной формах. Особенно важную роль играла историография, так как, с одной стороны, этот период совпал со временем превращения истории в профессиональную науку и повышением ее престижа как носительницы «подлинного» знания о прошлом, а с другой стороны, в политической культуре того времени ориентация на исторические аргументы, на принципы «исторических прав» и «исторической справедливости» еще пользовалась признанием.

В период трансформации империи, начавшийся в 1860-х гг. и породивший различные проекты ее федерализации, и особенно в начале XX века, непосредственно перед и во время Первой мировой войны возникла реальная перспектива восстановления Польского государства, для которого вскоре могли потребоваться обоснование границ, та или иная концепция принадлежности к польскому народу, понимание места новой Польши в системе международных отношений. Австро-Венгрия тоже переживала кризис идентичности, искала основания культурной памяти, которая помогла бы спасти единство страны, и в этих конструкциях славянская и польская память играли далеко не последнюю роль.

[8] Ibid: 31.

Основными акторами политики памяти выступали т.н. автономно-ангажированные интеллектуалы. Их установки и формы деятельности описаны австрийским исследователем Й. Фейхтингером: «Автономно-ангажированные исследователи на самом деле строго разделяли науку и политику, инвестируя, однако, свои ноу-хау в такую научную деятельность, которая несомненно была политически релевантна. Это не была та разновидность науки, которая обычно определяется как "чистая наука", поскольку ее представители не отступались перед политической ангажированностью в рамках своих специфических компетенций»[9]. Классический пример такого интеллектуала – историк Оскар Халецкий.

Габсбургский контекст

Стимулом поиска новой политической модели для Габсбургской монархии стало военное поражение в Сардинской войне в 1859 г. Период с 1859 по 1867 гг. был для Габсбургского правительства временем дискуссий и поиска модели государственного устройства, способной обеспечить властям широкую базу социальной поддержки в лице элит народов Империи. В это время федералистские проекты обсуждались[10], но в итоге на следующий год после поражения в войне с Пруссией в 1866 г. была реализована модель Австро-Венгерского дуализма. У проектов федерализации были влиятельные противники, прежде всего – немецкие либералы, считавшие, что государство должно быть более централизованным и не допускать слишком большого влияния местных аристократий, но также и венгерские политики, желавшие добиться венгерского доминирования на всех землях короны Святого Стефана, которое оказалось бы под вопросом в случае федерализации империи и придания прав автономии немадьярскому населению Венгерского королевства. В 1867 г. возникла Австро-Венгерская империя, но федералистские устремления и соответствующие им «мнемонические конструкты» у национальных элит других частей империи сохранились и активизировались по мере наступления кризиса монархии на рубеже XIX–XX в.

Основой новой системы в австрийской части империи был немецко-польский союз, точнее, как пишет известный историк Хенрик Верешыцкий, «в сущности это был союз не между немцами и поляками, а между династией и поляками, точнее – галицийской шляхтой»[11]. Хотя польское общество и выступало большей частью за то, чтобы в союзе с чешским и другими национальными движениями добиваться федерализации империи, в тот момент от этой идеи польской шляхте в Галиции пришлось отказаться и согласиться на роль главного австрийского союзника в австрийской части империи. На рубеже XIX–XX вв. идеи отказа от дуализма, создававшего особое положение для венгров, и перехода

[9] Feichtinger 2013. T. XLIII: 20.

[10] В 1865 г. вышло чешское, а в 1866 г. – немецкое издание книги «отца чешского национального возрождения», либерального историка и политика Фр. Палацкого «Идея Австрийского государства», в которой он прямо назвал федерализм и равноправие всех народов монархии его главной современной идеей (Palacký 1907: 75).

[11] Wereszycki 2015: 189.

к федерализму как единственному средству спасения империи стали популярны в окружении наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда. В 1906 г. австро-венгерский политик румынского происхождения Аурел Поповичи опубликовал проект[12] преобразования империи в Соединенные Штаты Великой Австрии, федерацию из 15 регионов, выделенных по этническому принципу. Это был самый подробный проект федерализации империи накануне ее краха. 16 октября 1918 г. последний император уже исчезающей империи Карл издал манифест о преобразовании Австро-Венгрии в федеративное государство, который, среди прочего, предусматривал объединение Галиции с остальными польскими землями и возрождение Польского государства.

Польское королевство (Речь Посполитая) и Габсбургская монархия были соединены многими историческими связями. Многочисленные династические браки, объединявшие оба государства, важные исторические события, самым ярким из которых стала победа над турками, одержанная войсками Яна III Собеского под Веной в 1683 г., наконец, в политической истории Речи Посполитой второй половины XVI в. было несколько эпизодов, когда избрание Габсбургов на польский трон и создание «Габсбургской унии», включающей в себя Испанию, итальянские и немецкие земли, Чехию, Венгрию, Польшу и Литву, не говоря уже о колониальных владениях, казалось уже почти решенным делом.

Все это стало материалом для формирования «общих мест памяти» и рефлексий об общности исторической судьбы Австрии и Польши. Проанализируем здесь несколько примеров польской исторической публицистики 1860–1880-х гг., которые хорошо показывают, какой именно материал общей памяти при этом задействовался и как с ним работали для построения современных политических программ.

Марьян Хылиньский: «Польша – основа могущества Австрии»

В 1864 г. филолог Марьян Хылиньский опубликовал во Львове брошюру под названием «Австрия и Польша. Ч. I. Прошлое». Он начинает с констатации уникальной ситуации: два соседних сильных государства, имеющие протяженную сухопутную границу, никогда не воевали друг с другом. Напротив, «всегда, как в более важных, так и в менее значительных вопросах, польские оружие и дипломатия помогали интересам Австрии»[13]. Объяснения автором причин исторического австрийско-польского единства лежат в русле популярных в то время географических (геополитических) подходов. Оба государства – чисто континентальные, сухопутные, оба представляют собой крайние пределы распространения римской цивилизации, лежат на границах с Азией и имеют историко-географическое предназначение защищать Европу и обеспечивать продвижение на Восток «европейского духа»[14]. Так Австрия присоединялась к старому польскому образу Речи Посполитой –

[12] Popovici 1906.
[13] Chyliński 1864: 2.
[14] Ibid: 4.

передового рубежа обороны (*przedmurze, antemurale*) христианского (католического, европейского) мира, а также вводилась в контекст «ягеллонской идеи» цивилизационной миссии на Востоке. Затем, к материальным (географическим) факторам автор добавляет факторы духовные – горячая приверженность католицизму, отсутствие «захватнического духа» и, напротив, наличие «либерального духа» у обоих государств. Таким образом, создавалась аналитическая конструкция, близкая Монтескье, объясняющая специфику «духа нации» уникальным сочетанием физических (географических) и моральных (духовных) факторов.

Географическое положение Австрии (исключительно континентальное, без защиты со стороны моря, протяженные открытые сухопутные границы) несколько раз в истории создавало для страны смертельную военную опасность. С другой стороны, и тут к географическому направлению добавляется другой популярный тогда в социальной мысли подход – био-органицизм, Австрия – «сердце Европы»: «Как и к человеческому сердцу стремится вся движущаяся в жилах кровь… так и к Австрии должна стремиться, сюда должна прибывать вся интеллектуальная, моральная, материальная и дипломатическая жизнь Европы, оставляя тут частицы своих богатств»[15]. Неблагоприятные стороны географического положения Австрии компенсировались, по мнению автора, тем, что она граничила с сильной и дружелюбно настроенной Речью Посполитой, выполнявшей по отношению к Австрии ту функцию, которую для других государств выполняет защита с моря. «Польша – основа могущества Австрии» – так и называется обсуждаемый раздел работы[16]. В другом месте автор называет Польшу «крестной матерью» государственности Австрии[17]. М. Хылиньский констатирует единство «природы» двух государств, связь их исторических судеб: вместе Польша и Австрия шли по пути прогресса и вместе падали[18].

Шестой раздел брошюры[19] посвящен обсуждению четырех моментов в истории, когда Австрия и Польша спасали друг друга. Говоря современным языком, автор выделяет «общие места памяти». Все они относятся к периоду выборной монархии в Речи Посполитой, последовавшему за пресечением династии Ягеллонов. Что же касается ягеллонского периода, то «пока правили Ягеллоны сердечнейшая дружба связывала не только Австрию и Польшу как два соседних государства, но дружба соединяла также и две династии, Габсбургов и Ягеллонов. Семь австрийских принцесс находились тогда на польском престоле»[20].

Итак, вот эти исторические моменты. Первый связан с отказом шляхты выбрать на освободившийся после угасания династии Ягеллонов польский престол одновременно и императора Священно Римской

[15] Ibid: 16.
[16] Ibid. V. Polska podstawą potęgi Austrii.
[17] Ibid: 22.
[18] Ibid: 25.
[19] Ibid: 27-31.
[20] Ibid: 36.

империи Максимилиана, и «чудовища и выродка рода человеческого», как его называет автор, царя Московии Ивана Грозного. Тогда, как отмечает автор, Максимилиан отверг предложение Ивана IV о совместной интервенции и разделе Речи Посполитой. Второй раз в середине XVII в., во времена шведского «Потопа», Священная Римская империя вновь сыграла ключевую роль в срыве на этот раз шведского плана раздела Речи Посполитой. Третье и четвертое события связаны с отказом Речи Посполитой присоединиться к антигабсбургской политике Людовика XIV, с перспективой раздела Священной Римской империи и последующей победой Яна III Собеского под Веной в 1683 г., положившей конец экспансии Османской империи в Европе. Автор стремится исторически обосновать взаимную выгоду польско-австрийского союза и гибельность отказа от него как для Польши, так и для Австрии: «Дружба и согласие, которые продолжались на протяжении веков между Польшей и Австрией, имели бесчисленные последствия в виде успехов и величия обоих государств. Под сенью этого союза Польша неустанно отражала агрессию на свои границы, достигла значения и уважения в Европе, а Австрия из маленького княжества стала первостатейной и внушительной державой. …Таковы результаты длившегося веками согласия между Польшей и Австрией. И теперь этот союз прерван!»[21]. Начало упадка польско-австрийского союза автор видит в событиях, последовавших за прекращением династии Ягеллонов и неудачными попытками Габсбургов занять польский трон во второй половине XVI в., а окончательный перелом – в 1683 г., когда Австрия почувствовала себя в полной безопасности и стала усматривать свой интерес в ослаблении Польши.

Эта работа продолжает традицию сравнительной истории, одним из первых примеров которой была книга классика польской историографии Иоахима Лелевеля «Историческая параллель Испании и Польши»[22], опубликованная в 1820 г. Два сочинения представляют два варианта сравнительной истории, выделенные в докладе 1928 г. М. Блоком[23]: во-первых, сравнение «дальнего действия», сравнение обществ, между которыми нет общности происхождения и постоянного взаимного влияния (Польша – Испания); во-вторых, «параллельное изучение» соседних, современных друг другу и постоянно влияющих друг на друга обществ (Польша – Австрия). А с точки зрения memory studies, работа Хылиньского – «мемориальный нарратив», основанный на создании повествования о двух исторических героях – «Австрии» и «Польши» – и их «исторической судьбе». Прошлое должно объяснить настоящее и дать прогноз на будущее. Важно, что эта работа была опубликована до создания дуалистической Австро-Венгерской монархии, поэтому, видимо, среди используемых исторических примеров не нашлось места для Унии и польской федералистской традиции. В вышедшей в 1869 г., ра-

[21] Ibid: 30-31.
[22] Lelewel 1845.
[23] Блок 2001: 65-93.

боте польского писателя и публициста, повстанца 1863 г. Стефана Бущинского (1821–1892) «Будущее Австрии» уже говорилось, что Австро-Венгрию, подобно Речи Посполитой, ждет прусско-российский раздел, если она не преобразуется в федерацию славянских народов[24].

Михал Сухоровский: польский король Франц Иосиф

В 1880 г. во Львове была опубликована работа польского литератора и филолога Михала Сухоровского (1802 – ок. 1890) под названием «Семья короля Яна III Собеского: да здравствует Франц-Иосиф I Габсбург-Лотаринг-Виттельсбах-Собеский!»[25]. По форме книга представляет собой причудливую смесь панегирических виршей более чем скромного литературного качества, адресованных Францу-Иосифу и прославляющих его как новое воплощение Яна Собеского, исторических и генеалогических комментариев, рисунков и фотографий, дополненных обращением в галицийский сейм с предложением просить императора принять титул польского короля. Вся эта композиция приводит на память старопольские silva rerum. Основная идея помещенных в книге материалов заключается в обосновании династической связи Габсбургов с Яном Собеским и вообще Габсбургского дома с польскими королями и права, на основании этого, Габсбургов называться королями Польши. Особенно важным представляется автору, что в Вене, за которую «как лев» бился Собеский, теперь на троне правитель-носитель «польской крови», «племя Собеского». «Польская кровь», текущая в жилах Габсбургов, – предмет гордости и надежд автора, который часто апеллирует к этому генеалогическому факту. Действительно, правящий австрийский дом по женской линии (от дочери Яна Собеского Терезы-Кунигунды) имел прямое родство с Яном III[26]. Все свои аргументы в пользу исконных связей Габсбургов с польской короной и права Габсбургов присоединить к своим титулам польский королевский титул[27] Михал Сухоровский суммирует в обращении к Сейму. Их можно разделить на три группы: династические, исторические и культурно-политические.

Династические аргументы заключаются в том, что Франц Иосиф I по матери является правнуком Терезы-Кунигунды, дочери Яна Собеского, а также потомком Баварского дома Виттельсбахов. По отцу же он вел свою линию от императрицы Марии Терезии и был представителем Габсбург-Лотарингской династии. Таким образом, утверждает Михал

[24] Buszczyński 1869: 5.

[25] Suchorovski 1880. (Орфография оригинала, текст содержит богемизмы).

[26] Вообще, семейные связи Габсбургов и польских королей были к тому времени хорошо изучены. См., напр.: Kozlovski 1866. В 1860-х гг. Габсбургской монархией поддерживался культ Собеского. 22 марта 1862 г. в построенном Собескими фарном костеле Жолкевских, в котором Ян Собески молился после победы под Веной, где похоронены его последние прямые потомки, была проведена торжественная церемония памяти Яна III. 12 сентября 1867 г., в годовщину битвы под Веной, костел был торжественно освящен после обновления.

[27] Страну, королевский титул которой должен принять Франц Иосиф, автор называет «Троепольшей», имея в виду три части Австро-Венгерской империи – Королевство Галиция и Лодомерия, Великое княжество Краковское и княжество Буковина.

Сухоровский, Франц Иосиф I должен именоваться Габсбург-Лотаринг-Виттельсбах-Собеским. Его жена, императрица Елизавета, тоже происходила от Собеских и Баварского дома. Он пишет: «В правящей ныне семье сливаются четыре потока самых благородных семейств мира… кровь Собеских… от Терезы Кунигунды, прабабки нашего императора льется без перерыва до сегодняшнего дня в жилах любимого монарха…»[28]. К числу династических аргументов также можно отнести старательно перечисляемые в документе многочисленные случаи, когда габсбургские принцессы оказывались на польском троне с XI до XVIII в. Аргумент «крови» играет в этом нарративе очень важную роль и наводит на мысль, что здесь мы имеем дело со смешением традиционных монархических аргументов с новыми, характерными для времени возникновения этого сочинения расово-антропологическими доводами. Впрочем, новейший биологически обосновываемый расизм и традиционный аристократический элитизм тогда часто выступали вместе, и первый был своеобразным последним прибежищем и аргументом для второго.

В качестве исторических аргументов выступают три «места общей памяти». Во-первых, речь шла о соглашении между Людовиком I Венгерским и польским королем Казимиром Великим в 1355 г. о переходе польской короны к одной из дочерей Людовика в случае отсутствия у Казимира потомка мужского пола (что и произошло). В 1370 г. Казимир умер, и с ним закончилась династия Пястов. Престол перешел к дочери Людовика Ядвиге, которая вышла замуж за литовского князя Ягелло, соединив Корону и Великое княжество Литовское. Вторая дочь Людовика Мария вышла замуж за императора Священной Римской империи Сигизмунда, основав, тем самым, союз Австрии и Венгрии. Поскольку Людовик Венгерский формально был усыновлен Казимиром Великим, возникала династическая связь Габсбургов с Пястами. Во-вторых, как отмечает автор, три польских короля грудью защищали Австрию, Венгрию и весь христианский мир. Речь идет о Владиславе III Ягеллоне Варненчике, короле Польши и Венгрии, погибшем в битве с турками под Варной в 1444 г., Людовике II, сыне Владислава Ягеллона, внуке Ягелло, короле Венгрии и Чехии, погибшем в 1526 г. в битве с турками под Мохачем, и, разумеется, о победителе османов под Веной в 1683 г., польском короле Яне Собеском[29]. Третьим «воспоминанием» является вассальная зависимость королей Пруссии (бывших Великих магистров Ордена) от польской Короны. Из этого акта делается вывод о том, что и сегодня король Пруссии (а на момент написания книги и император Германского рейха) должен признавать свою зависимость от императора Австро-Венгрии как наследника польских королей.

Третья группа аргументов относится к области культурной политики Габсбургов, которые дали возможность свободного развития поль-

[28] Suchorovski: 70.

[29] Для увековечивания этой победы автор предлагает построить под Веной город Собескоград (или Собеславль). См.: Ibid: 73.

ского языка, поддерживают польскую культурно-историческую память и не стремятся ассимилировать поляков: «Наш мудрейший монарх не уничтожает польский язык и национальность, не сносит польские школы и учреждения, не лишает польских детей последней памяти и самого дорогого для них воспоминания об их героических отцах. Он не желает утратить и изгладить из мировой истории бессмертные имена Мечиславов, Владиславов, Казимиров, Сигизмундов, Собеских так, как это делается в России и в Пруссии. …Следуя голосу своей мудрости и благородным побуждениям, он открыл нам врата свободы и позволил использовать польский язык в учреждениях и в школах»[30].

Вся аргументация автора строится на общности династической памяти, памяти об объединяющих исторических событиях, а также на положительных чертах культурно-исторической политики Габсбургов на польских землях. Таким образом, в период трансформации Габсбургской империи в дуалистическую монархию среди польских интеллектуалов достаточно заметна была тенденция к мобилизации культурно-исторической памяти для помещения польской истории, национальной памяти и идентичности в «габсбургский контекст».

Образ польского прошлого в перспективе Главного национального комитета в Кракове: Оскар Халецкий и Людвиг Кульчицкий

Здесь мы обратимся к деятельности двух польских интеллектуалов в переломный момент поиска пути и выбора модели для восстановления Польского государства. Оба они являлись сторонниками австрийской ориентации для будущей Польши и политически были связаны с проавстрийским Главным национальным комитетом в Кракове.

Ярким примером «автономно-ангажированного» интеллектуала был Оскар Халецкий (1891–1973), происходивший из семьи австрийского фельдмаршала и хорватки, овладевший польским языком (при родном немецком) и в сознательном возрасте сформировавшийся как поляк. Его отец, австрийский фельдмаршал Оскар Алоизий Халецки фон Норденхорст, обнаружил свои польские корни только, когда вышел в отставку и занялся историей своего рода. Он пожелал, чтобы сын выучил польский язык и окончил Ягеллонский университет. В Кракове в годы учебы Оскар начинает свободно говорить и писать по-польски, как бы «вспоминает» себя. «Казус Халецкого» интересен тем, что он позволяет проследить, какую интерпретацию польская память могла приобрести буквально в «габсбургских рамках», т.е. во взглядах ученого-выходца из семьи, принадлежавшей к имперской австрийской элите, ставшего поляком и польским патриотом в сознательном возрасте.

Объект нашего интереса – ранний период научной и общественно-политической деятельности Халецкого (1909–1920). С 1909 по 1913 гг. он учится в Ягеллонском университете. В это время его научные интересы были связаны преимущественно с геральдикой и генеалогией, историей польского протестантизма. Его занятия генеалогией и геральди-

[30] Ibid: 72.

кой – интересный пример сочетания построения личной идентичности и восстановления идентичности и памяти страны. Специальные исторические дисциплины были важны для восстановления национальной памяти, так как, согласно Халецкому, шляхта – основа государства, а история знатных родов даёт ключ к пониманию истории страны. В львовском журнале «Геральдический ежемесячник» в 1908 и 1909 гг. были опубликованы первые тексты молодого исследователя. В 1913 г. как докторат он представил работу «Сандомирский договор 1570 г.», в которой рассматривал соглашение польских лютеран, реформатов и чешских братьев. Уже на раннем этапе творчества обозначились его основные темы – толерантность, уния (федерализм) и необходимость (ре)конструкции памяти и идентичности себя, страны, а затем и всего региона Центральной и Восточной Европы на основе указанных двух топосов.

Характеризуя научную деятельность Халецкого после 1913 г. Мачей Салмон пишет: «После получения докторской степени… на первый план… выходит проблематика, связанная с государством Ягеллонов и польско-литовской Унией. Можно предположить, что эта тема в научных работах потомка кресового шляхетского рода связана с уходящей корнями в годы молодости ученого заинтересованностью руско-литовскими корнями его семьи, в пользу чего говорит хотя бы то, что уже с I курса обучения он выбрал занятия по истории Ягеллонов, Унии, устройства Литвы и христианизации этой страны»[31]. К этому можно добавить только то, что интерес к Литве также был помещен в «габсбургскую перспективу». Его хабилитация 1915 г. была посвящена исторической роли князя Свидригайло, а хабилитационная лекция – Унии 1569 г.

В лекции о Люблинской унии (10 декабря 1915 г.) Халецкий говорит: «Сегодня, более, чем когда-либо еще, историческое исследование должно воскрешать в благодарной памяти народа именно самые прекрасные, самые возвышенные моменты его прошлого. Более чем когда-либо еще отечественная история стала для нас тем единственным источником… тем единственным сокровищем… откуда мы можем черпать то укрепление сердец, которое сегодня нам так необходимо»[32].

Во время войны часть его работ была опубликована на немецком языке Издательским бюро Главного национального комитета (Naczelny Komitet Narodowy), организованного в Кракове в августе 1914 г. и ориентированного на создание триалистической Австро-Венгерско-Польской монархии)[33]. Работы этого периода (1916–1918)[34] имели характер

[31] Salamon 2014: 9-24.

[32] Halecki 1916 (b): 1.

[33] Хотя лояльность Габсбургам не была бесспорной и повсеместной в Галиции. Достаточно сказать, что указанный Комитет постановил создать два Легиона – Западный со штаб-квартирой в Кракове и Восточный – во Львове. В итоге был создан только Западный Легион. Восточный же в массе отказался присягать императору Францу Иосифу. Начальник Военного департамента Комитета Владислав Сикорский поддерживал идею триализма, а комендант Юзеф Пилсудский отвергал ее. См.: Chwalba 2001: 571-572.

исторической публицистики, направленной на решение «польского вопроса» на основе союза с Габсбургской монархией. Наиболее характерной чертой политической культуры Центральной и Восточной Европы Халецкий считал федерализм, а наивысшим его выражением – «ягеллонскую идею» и Люблинскую унию. «Основополагающим принципом ягеллонской системы было соединение двух идей: признание права свободного национального развития во всех этих странах, а также организация совместной обороны против восточного и западного империализма. Конечно, эти идеи не всегда бывали в полной мере реализованы, но они составляли наиболее конструктивную программу центрально-восточной европейской организации»[35]. Габсбургская монархия, по его мнению, стояла на пути трансформации в подобную федерацию после австро-прусской войны 1866 г. и преобразования империи в дуалистическую монархию. До конца этот путь пройден не был, однако именно история Габсбургской монархии выступает у Халецкого как объект сопоставления с Ягеллонской Речью Посполитой. В работе «Национальные вопросы в старой Польше» Халецкий пишет:

> «Как всякий политический союз – возьмем для сравнения, скажем, австрийско-венгерский – также и в польско-литовском, конституционные отношения обеих частей, «дуализм», прошел различные фазы в своем развитии. Не вдаваясь в излишние подробности, выделим здесь следующие моменты: во-первых, несмотря на все неизбежные трудности, лишь однажды, во времена Великого литовского князя Свидригайло (1430–1432 – ок. 1435), он прошел через кровавое столкновение, в то время как все остальные спорные вопросы… были решены на пути мирных переговоров; во-вторых, уже в 1440 г. реально было введено конституционное равенство литовцев и поляков, а с 1499 г. оно было признано юридически с польской стороны; в-третьих, окончательное урегулирование взаимных отношений стало бы гораздо более легким, если бы исчез вопрос о принадлежности руских областей. Несомненно, решение было бы найти проще, если бы ягеллонский польско-литовский дуализм был преобразован в польско-литовско-рутенский триализм. Однако этого не произошло в силу объективных обстоятельств, а не по причине актов насилия со стороны Польши или Литвы»[36].

Автономное положение в Речи Посполитой Ливонии Халецкий сравнивает со статусом Боснии в Габсбургской монархии. Здесь можно увидеть не только очевидное сравнение Австро-Венгрии и Ягеллонской Речи Посполитой, но и параллелизм с идеей «триалистической» монархии Главного национального комитета. Халецкий подчеркивал мирный характер формирования Ягеллонской империи и сравнивал ее в этом отношении с Австро-Венгрией: «Подобно тому, как Австрия благодаря вошедшим в пословицу счастливым бракам, Польша, благодаря мирной унийной политике, добровольным присоединениям иностранных государственных образований, а частично наследуя вымершим династиям… превратилась с многоязычную державу»[37].

---

[34] Halecki 1916 (a); 1916 (c); 1918 (a); 1918 (b); etc.
[35] Halecki 1944: 9-18.
[36] Halecki 1916 (a): 20.
[37] Ibid: 26.

Символическим финалом раннего периода творчества Халецкого была публикация двухтомной истории Люблинской унии[38]. В 1919 г. он получил в Варшаве кафедру Истории Восточной Европы, но вскоре стал экспертом польской делегации на Парижской мирной конференции.

Людвиг Кульчицкий: Габсбурги – законные преемники Ягеллонов

Публицисты находили все новые черты сходства Австро-Венгрии и Польши, прежде всего – Ягеллонской. Ягеллонская империя создала позитивную «рамку» видения Австро-Венгрии, а сама Габсбургская монархия стала не только своеобразной «рамкой памяти» о прошлом Речи Посполитой, но и основой видения будущего новой Польши. В 1916 г. в Лозанне на французском языке, а в Кракове – на польском вышла брошюра «Польша и Австрия» социолога, публициста и левого общественного деятеля Людвига Кульчицкого (1866–1941). Во время Первой мировой войны он был членом того же Главного национального комитета в Кракове, к которому был близок Халецкий. Кульчицкий пишет:

> «Между двумя государствами, и правда, существует глубокая аналогия как в смысле их положения на западе, так и в смысле их территориальной экспансии, равно как и в их социальной и политической организации». И далее: «С общей и интернациональной точек зрения, Австрия и Польша, каждая в своей сфере, осуществляла западное влияние, как политическое, так и цивилизационное. Каждая из них действовала схожим образом, увеличивая свою территорию, используя момент и ситуацию. Польша объединилась с Литвой, чтобы противостоять натиску Тевтонского ордена. Венгрия присоединилась к Австрии из-за турок, а Богемия, чтобы стать сильнее, сделала то же самое. Эти союзы придали своим государствам аналогичные формы, они соединились по схожим причинам и сохранялись, благодаря династической унии. Это территориальное расширение оказало большое влияние на внутреннюю политическую организацию. Различия обеспечивали им автономию. Внутреннее устройство Польши, связанной союзом с Литвой, очень напоминало аналогичный союз Венгрии, Богемии и Австрии, со своей стороны. Республика, как и Монархия вынесла суровую и тяжелую судьбу. Каждая из них выполнила свою историческую роль. К сожалению, с разным успехом»[39]. Поэтому большинство поляков в Австрии в конституционный период «рассматривали Габсбургов как законных преемников угасшей в 1572 г. Ягеллонской династии. Действительно, трактат 1515 г.[40] гарантировал этим двум династиям взаимное наследование их государств – Австрии, Венгрии и Богемии. В 1572 г. только своеволие польского дворянства помешало Габсбургам наследовать Ягеллонам и создать мощное Австрийско-Венгерско-Богемско-Польско-Литовское государство»[41].

В одной из современных работ о «посмертной судьбе» Австро-Венгрии, посвященной исследованию образа Австро-Венгерской импе-

[38] Halecki 1919-1920.

[39] Kulczycki 1916: 8-9.

[40] Очевидно, Кульчицкий имеет в виду т.н. «двойную свадьбу» в Вене в 1515 г. Фердинанд, внук императора Священной Римской империи Максимилиана, был обручен с Анной Ягеллонкой, дочерью Владислава II Ягеллона, короля Чехии и Венгрии, а сын Владислава II Людовик был обвенчан с внучкой императора Максимиала Марией. В 1526 г. Людовик II Ягеллон погиб при Мохаче, и император Священной Римской империи Фердинанд унаследовал Венгрию и Чехию.

[41] Kulczycki: 18-19.

рии в культуре межвоенного периода, эта работа Кульчицкого рассматривается как выражение «внешне кажущейся очевидной» идеи сходства Австро-Венгрии и Речи Посполитой, мобилизованной для целей военной пропаганды[42]. Однако в экстремальной ситуации для целей военной пропаганды имеет смысл мобилизовать только те «места памяти», которые могут получить широкий отклик. В данном случае необходимо было войти в резонанс польской и габсбургской форм коллективной памяти. Идеализированный образ Австро-Венгрии, какой она могла и должна была бы стать при правильном развитии федерализма, позволял посмотреть на Ягеллонскую Речь Посполитую как на более раннее (и, вероятно, более полное, воплощение этого идеала), а польская память о Ягеллонской федерации позволяла взглянуть на «австрийскую идею» как на продолжение «идеи польской».

Формирование польской национальной памяти в Австро-Венгерской империи второй половины XIX – начала XX в. проходило во взаимодействии традиционной рамки памяти исторической Речи Посполитой и «габсбургской рамки памяти», которая оказывала влияние на польское историческое сознание особенно после конституционной трансформации Габсбургской монархии в 1860-х гг. Польская история оказывалась, таким образом, тем «мемориальным означающим», которое наполнялось новыми означаемыми в результате новых актов коммеморации в меняющемся социально-политическом и историческом контексте. В результате последовательного применения предложенного здесь подхода открывается новое, соединяющее подходы memory studies и «новой интеллектуальной истории», направление изучения динамики польской национальной памяти и идентичности в период разделов в контексте всех трех разделивших Речь Посполитую в конце XVIII в. империй. В числе прочих, результатом этого может быть более глубокое понимание позиций акторов политического процесса в период восстановления Польского государства в 1918 г.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Блок М. К сравнительной истории европейских обществ//Одиссей. Человек в истории. 2001. М.: Наука, 2001. [Blok M. K sravnitel`noj istorii evropejskix obshhestv//Odissej. Chelovek v istorii. 2001. M.: Nauka, 2001].

Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М. Праксис, 2004. [Smit E`. Nacionalizm i modernizm. Kriticheskij obzor sovremenny`x teorij nacij i nacionalizma. M. Praksis, 2004].

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. [Xal`bvaks M. Social`ny`e ramki pamyati. M.: Novoe izdatel`stvo, 2007].

Buszczyński S. Przyszłość Austrii. Rozwiązanie kwestii słowiańskiej, Kraków 1869.

Chwalba .A. Historia Polski. 1795-1918. Wydawnictwo Literackie, Kraków 2001

Chyliński M. Austrja a Polska. Cz. 1, Przeszłość. Kraków. 1864.

Feichtinger J. Intelektualiści-naukowcy: autonomiczno-zaangazowana nauka w Europe Środkowej pomiędzy «czystą» a «polotyczną»nauką 1848–1938 // Historyka. Syudia metodologiczne. T. XLIII. 2013.

Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimçev R. Entangled Memory. Toward a Third Wave in Memory Studies // History and Theory 53, Issue 1. 2014.

[42] Kożuchowski 2009: 102-103.

Halecki O. Das Nationaletätenproblem im alten Polen. Krakau, Zentral Verlagsbureau Des Polonischen Obersten Nationalkomite. 1916 (a).
Halecki O. Der politishe Werdegang der osteuropäischen Staatenbildung, 1918 (a).
Halecki O. Die Beziehungen der Habsburger zum lituanischen Hochadel im Zeitalter der Jagellonen, Innsbruck: Verlag der Wagnerschen Universitäts-Buchhandlung 1915 (a).
Halecki O. Dzieje Unii Jagiellońskiej». T. 1-2, Kraków: Akademia Umiejętności 1919–1920.
Halecki O. Ostatnie lata Świdrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków: nakł. Akademii Umiejętności, 1915 (b).
Halecki O. Polens Ostgrenzen in dem Lichte der Geschichte Ostgaliziens, des Chelmer Landes und Podlachiens. Wien, Perles. 1918 (b).
Halecki O. Przyłączenie Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny do Korony w roku 1569. Kraków: nakł. Akademii Umiejętności, 1915.
Halecki O. The Historical Role of Central Eastern Europe // Annals of the American Academy of Political and Social Science, March 1944.
Halecki O. Unia lubelska: wykład habilitacyjny wygłoszony na Uniwersytecie Jagiellońskim 10 grudnia 1915 r., Kraków: nakł. aut. 1916 (b).
Halecki O. Warum Polen unterging? 1916 (c).
Halecki O. Zgoda sandomierska 1570 r. Jej geneza i znaczenie w dziejach reformacji polskiej za Zygmunta Augusta. Warszawa: Gebethner i Wolff – Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1915.
Kozlovski K. O stosunkch rodzinnych królóv polskich z Austrją. Krakóv. 1866.
Kożuchowski A. Pośmiertne dzieje Austro-Węgier. Obraz monarchii habsburskiej w piśmiennictwie międzywojennym, Wydawnictwo Neriton. Instytut Historii PAN, Warszawa 2009.
Kulczycki L. La Pologne et l`Autriche. Lausanne. Imprimerie Hoirs Borgeaud, 1916.
Lelewel J. Historyczna paralela Hiszpanii z Polską. Poznań, 1845.
Mackiewicz M. Uwagi nad ideą jagiellońską w historiografii polskiej przełomu XIX i XX wieku // Folia Iuridica Wratislaviensis. Vol. 3 (2). 2014.
Palacký F. Idea státu rakouského. Praha. Ottovo nakladatelství v redakci Jaroslava Kvapila. 1907.
Popovici A.C. Die Vereinigten Staaten von Groß-Österreich. Politische Studien zur Lösung der nationalen Fragen und staatrechtlichen Krisen in Österreich-Ungarn. Leipzig, 1906.
Salamon M. Oskar Halecki na Uniwersytecie Jagiellońskim (1909–1918) // Oskar Halecki i jego wizja Europy. Warszawa-Łódź: IPN 2012. T. 1.
Suchorovski M. Rodzina króla Jana III Sobieskiego: niech żyje Frąciszek Józef I Habsburg–Lotaryng–Vitelsbach–Sobieski! Lvov, 1880.
Wereszycki H. Pod berłem Habsburgów: zagadnienia narodowościowe. Kraków: Wysoki Zamek, 2015.

Васильев Алексей Григорьевич, *кандидат исторических наук, доцент, профессор, Департамент общей и прикладной филологии, факультет гуманитарных наук, НИУ «Высшая школа экономики»*, *avasilev@hse.ru*

The ‘Habsburg Frames’ for Polish Memory in the Austro-Hungarian Empire of the Second Half of the 19th – the Beginning of 20th Centuries

The paper is focused on analysis of dynamics of Polish national memory in the context of the Austro-Hungarian Empire of the second half of the 19th – the early 20th centuries. The research is based on the concept of “frameworks of memory” introduced by Maurice Halbwachs. The idea is that Polish national memory had been developing in the dialogue between the historical Polish-Lithuanian Commonwealth’s traditional frames of memory and the ‘Habsburg frames of memory’ of the Austro-Hungarian Monarchy. As we suppose, at that time many intellectuals tried to re-interpret Polish history in order to find common Polish-Habsburg “sites of memory”.

Key words: *cultural (collective) memory, ‘frameworks of memory’, historiography, politics of memory, the Habsburgs, the Austro-Hungarian Empire, the Partitions of Poland, federalism, Oscar Halecki, the Union of Lublin.*

Alexey Vasilyev, *PhD (History), Professor of the Department of Theoretical and Applied Philology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).*